

Секция «Инновации в исследованиях литературы и литературное образование»

Время и пространство в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь»

Борискина Алина Михайловна

Студент (бакалавр)

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, Саранск,
Россия

E-mail: alina.boriskina@inbox.ru

Можно с уверенностью утверждать, что «Приглашение на казнь» и по сей день является одним из самых сложных романов для определения особенностей хронотопа. Созданный в 1930-х годах, в период, когда литература модернизма напрямую была связана с искусством абсурда и достижениями писателей эпохи авангарда [1,14], он становится неким «особенным» произведением для исследователей творчества В. В. Набокова.

Связано это, в первую очередь, с разновидностью интерпретаций. Можно рассматривать его и как идеологическую пародию, и как художественную антиутопию – всё может зависеть от подхода. Как пишет Н. Букс, исследовательница творчества В.В. Набокова, «закрепилось понимание романа как экзистенциальной метафоры, идеологической пародии, художественной антиутопии, сюрреалистического воспроизведения действительности, тюремности языка, артистической судьбы...» (Н. Брукс, 1998 г., 208 с.) [3,115].

Роман не вписывается ни в один устойчивый хронотоп по системе М.М. Бахтина [2,134]. Время и пространство абсолютно пространны. Это нетипично для творчества В. В. Набокова – намного привычнее встречаться с повторяющимся мотивом русской эмиграции, обозначенный странами Европы и «утерянным» Петербургом, нежели с абсолютно условным местом. Однако, есть чёткий пространственный символ – это тюрьма, в которой с Цинциннатом происходят определенные изменения.

Однозначно можно говорить о существовании «двоемирия» в тексте, что сразу же отсылает к эстетике творчества символистов. Существует мир условной реальности и мир самого Цинцинната Ц., мир, который открывается ему по ночам и существует в противовес тюрьме «... в которую заключен неумно воющий ужас, держит меня и теснит. Но какие просветы по ночам, какое – Он есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия. Сонный, выпуклый, синий, он медленно обращается ко мне» [6,36]. Реальный мир действительно предстаёт фальшью с кукольными актёрами и с театральными представлениями. На казнь Цинцинната можно пройти по талонам циркового абонементу, а директор тюрьмы называется в тексте «директор цирка». Герой чётко осознаёт это, и именно это осознание и даёт ему подняться с плахи в конце романа и пойти в общество «себе подобных».

Сам же Цинциннат Ц. предстает как романтический герой, глубоко погружённый в свои переживания. «Нет, надобно все-таки что-нибудь запечатлеть, оставить. Я не простой... я тот, который жив среди вас...» [6,21] – пишет он в своих прощальных записках, желая пробудить хоть чье-нибудь сострадание к тому, что с ним происходит и вскорости произойдёт. Двойственность существует и в его образе.

В. В. Набоков обозначает это с помощью скобочных конструкций. С их помощью создаётся полное «отделение» персонажа от читателя [4,108], в данном же случае можно говорить об отделении настоящего Цинцинната от ненастоящего. Настоящий Цинциннат может отбросить тело, может существовать вне рамок крепости, но имеет силу только ночью, в пространстве сна – и окончательно обретает её в конце романа.

Осуждённый за «гносеологическую гнусность», за «непрозрачность» в обществе прозрачных людей, герой схож по этому формальному признаку с персонажем некоего антиутопического общества – неясность приговора, донос из ближайшего окружения, смерть

одного, «неудобного» члена общества на благо другим. Он вырезан из «кубической сажени ночи», непонятен, но тем и страшен.

Но в противовес классической антиутопии это общество не выглядит прогрессивным – на фотографиях в газетных заметках президент пожимает руку правнучке последнего изобретателя, аэродром выглядит заросшим, самолёт теперь «развлечение для калек», статуи разрушены природными бедствиями и не восстановлены. «И никому не было жаль прошлого, да и самое понятие «прошлого» сделалось другим» [6,21]. Пренебрежение не заменяется ничем принципиально новым или инновационным – и текущая реальность становится окончательно схожей с театральными подмостками, превращается в переходное пространство. Появляется ощущение хронотопа провинциального городка, в котором «сладко спит время». Наряду с тюремной крепостью, он становится символом смерти для Цинцинната [1,16].

Особенности поэтики, выбор художественных приёмов обуславливают неповторимый текст В. Набокова, создают загадочное пространство, полное вопросов философского плана. Рассматривая время и пространство в тексте романа «Приглашение на казнь», невольно приходит на ум сравнение с решением некой загадки, коей и является любой постмодернистский роман.

Источники и литература

- 1) Антошина Е.А. Пространство и время смерти в поэтике абсурда (поэма А. И. Введенского «Кругом возможно Бог» и роман В. В. Набокова Приглашение на казнь) // Вестник Томского государственного университета. 2006. С. 14-20.
- 2) Бахтин М.М. Время и пространство в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы. 1974. №3. С. 133-179.
- 3) Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова М.: Новое литературное обозрение. 1998. С.208.
- 4) Галинская Е.Л. Стилистические аспекты творчества В. В. Набокова // Вестник культурологии. 2010. С. 107-110.
- 5) Кадрасев Д.И. О философском аспекте романа Владимира Набокова «Приглашение на казнь» // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. №3. С. 42-423.
- 6) Набоков В.В. Приглашение на казнь // Издательская Группа «Азбука-классика». 2010. С. 92.